

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Науки о Земле. 2021. Т. 21, вып. 4. С. 228–235

Izvestiya of Saratov University. Earth Sciences, 2021, vol. 21, iss. 4, pp. 228–235

<https://geo.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1819-7663-2021-21-4-228-235>

Научная статья

УДК 911

Пространственное планирование на макро- и микроуровне: проблемы таксономии и поляризации (на примере Волго-Уральского макрорегиона)

Ю. В. Преображенский

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Преображенский Юрий Владимирович, кандидат географических наук, доцент, topofag@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2774-0554>

Аннотация. Проблематика пространственного планирования включает вопрос таксономии. Представляется, что необходимо перейти к практике планирования помимо мезоуровня (субъекта РФ) на двух таксономических уровнях: макрорегиона и экономического микрорайона. Для этого в статье выявляются основные свойства этих образований. На примере Волго-Уральского макрорегиона анализируются свойства целостности, взаимодополняемости частей и связности надрегионального образования. Обосновывается идея использования узловых районов микроуровня (экономических микрорайонов) как объектов пространственного планирования. Выявляются территориальные различия между экономическими микрорайонами Саратовской области.

Ключевые слова: пространственное планирование, региональное взаимодействие, макрорегион, экономический микрорайон, Волго-Уральский макрорегион, Саратовская область

Для цитирования: Преображенский Ю. В. Пространственное планирование на макро- и микроуровне: проблемы таксономии и поляризации (на примере Волго-Уральского макрорегиона) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Науки о Земле. 2021. Т. 21, вып. 4. С. 228–235. <https://doi.org/10.18500/1819-7663-2021-21-4-228-235>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

**Spatial planning at the macro and micro levels: Problems of taxonomy and polarization
(on the example of the Volga-Ural macroregion)**

Yu. V. Preobrazhenskiy

Yuri V. Preobrazhenskiy, topofag@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2774-0554>

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Abstract. The issue of spatial planning includes the subject of taxonomy. It seems that it is necessary to switch to the practice of planning, in addition to the meso-level (subject of the Russian Federation), at two taxonomic levels: the macroregion and the economic microdistrict. To do this, the article identifies the main properties of these formations. On the example of the Volga-Ural macroregion the properties of integrity, complementarity and connectivity are analyzed. The idea of using micro-level nodal districts (economic micro-districts) is substantiated as objects of spatial planning. Territorial differences between economic microdistricts of the Saratov region are revealed.

Keywords: spatial planning, regional interaction, macroregion, economic microdistrict, Volga-Ural macroregion, Saratov region

For citation: Preobrazhenskiy Yu. V. Spatial planning at the macro and micro levels: Problems of taxonomy and polarization (on the example of the Volga-Ural macroregion). *Izvestiya of Saratov University. Earth Sciences*, 2021, vol. 21, iss. 4, pp. 228–235 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-7663-2021-21-4-228-235>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

В современной ситуации внутренних (поляризация социально-экономического пространства страны) и внешних (необходимость

реализации проектов реиндустриализации) вызовов как никогда актуальной является тема пространственного планирования. Опорный документ в этой сфере, Стратегия пространственного планирования Российской Федерации на

период до 2025¹ (далее – «Стратегия»), задаёт спорный и отчасти противоречивый вектор развития, что неоднократно обсуждалось в научной литературе. Тем не менее данный документ обозначает новые объекты пространственного планирования² – макрорегионы. Несмотря на спорный состав многих макрорегионов и описанные довольно абстрактно принципы их выделения, видимо, в ближайшие годы именно они станут объектами планирования на надрегиональном уровне. В связи с этим необходимо обосновать принципы выделения макрорегионов и проанализировать их актуальный состав на соответствие таким принципам.

На наш взгляд, существует необходимость создания документов пространственного планирования не только на макро-, но и на микроуровне (нескольких соседних муниципальных образований). Выделение подобных микрорайонов может стать одним из важных вкладов географов в теорию и практику пространственного планирования.

В настоящей статье обсуждаются «узкие места» в таксономии планирования, принципы и свойства макро- и микрорегионов с примерами по Волго-Уральскому макрорегиону (ВУМР) и Саратовской области как его части.

В настоящее время Федеральный закон «О стратегическом планировании в Российской Федерации»³ не ограничивает создание документов стратегического планирования на разных таксономических уровнях. Тем не менее практика создания документов территориального планирования реализуется только на трёх: федеральном, региональном, местном. Как представляется, это связано, во-первых, с тем, что «...ряд вопросов, касающихся методологической базы и процедурных основ подготовки подобных стратегий, определения их пространственных границ, а также путей их согласования со стратегиями федерального уровня и стратегиями отдельных субъектов Федерации, остаётся нерешённым» [1, с. 34], а во-вторых, с часто декларативной ролью стратегий социально-экономического развития (далее – стратегий СЭР) и схем территориального планирования субъектов РФ. В этих документах перечисление функций целеполагания явно преобладает над изложением тех экономико-право-

вых механизмов и институтов, при помощи которых фиксируемые цели и задачи могли бы быть практически реализованы [1, с. 35].

Если планирование на надрегиональном уровне обсуждается, существует «Стратегия», от которой можно отталкиваться, то микрорегиональный уровень во многом остаётся вне научного и управленческого дискурса. При этом очевидны преимущества стратегического планирования на этих уровнях, позволяющие ослабить или полностью преодолеть центростремительные тенденции на мезорегиональном уровне (субъекта РФ).

Ключевые свойства надрегиональных образований

Неизбежны сравнение макрорегионов с экономическими макрорайонами советского периода, их анализ с позиции системного подхода. Очевидно, что подобные надрегиональные образования должны обладать внутренней целостностью, самодостаточностью, связанностью и взаимодополняемостью. Рассмотрим данные свойства более подробно.

Внутренняя целостность проявляется в значительной степени во внутренней связности регионов. Её можно фиксировать, например, как в отношении расселения населения по территории. Важно понимать, что в пространственном отношении между районами нельзя провести линию, категорично отделяющую один район от другого. Всегда существуют некая «сердцевинная», наиболее характерная для района часть и переходные зоны, пояса, ареалы (см. подробнее [2]). Вопросы целостности системы расселения в пределах Урало-Поволжья были рассмотрены нами в работе [3].

Взаимодополняемость проявляется преимущественно через экономические связи мезорегионов внутри макрорегионов (см. интересную работу, посвящённую межрегиональной торговле субъектов РФ Дальневосточного макрорегиона [4]). П. А. Минакир отмечает, что высокий уровень экономических связей является одним из условий формирования и формального выделения макрорайона в рамках экономического пространства [5, с. 45]. В «Стратегии» также одним из критериев выделения экономического макрорегиона (входящих в него мезорегионов) считается значительный потенциал межрегионального сотрудничества в рамках реализации перспективных экономических специализаций субъектов Российской Федерации и достраивания цепочек добавленной стоимости в пределах макрорегионов, в том числе для реализации крупных межрегиональных инвестиционных проектов. Вопрос, безусловно, в конкретной оценке «значительности» такого потенциала.

Таким образом, получение эффектов от наилучших производственных комбинаций в многорегиональных хозяйственных системах по-прежнему является важной теоретической

¹ Об утверждении Стратегии пространственного планирования Российской Федерации на период до 2025 года: распоряжение Правительства Российской Федерации от 13 февр. 2019 г. № 207-р. <http://static.government.ru/media/files/UVA1qUtT08o60RktoOXI22JjAe7irNxc.pdf> (дата обращения: 20.12.2020).

² В законодательстве используются термины «территориальное планирование» и «градостроительство», однако термин «пространственное планирование» по своей смысловой нагрузке шире их и охватывает не только территориальное, но и акваториальное, подземное и другие виды планирования, поэтому ему отдано предпочтение в данной статье.

³ См.: О стратегическом планировании в Российской Федерации: Федер. закон : принят Гос. Думой 28.06.2014 г. № 172-ФЗ (последняя редакция). http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_164841/ (дата обращения: 30.08.2021).

и расчетной задачей для достижения лучшего хозяйственного результата [6, с 22].

Теоретически осмысливая вопрос внутренней связности надрегионального образования, рассмотрим два отличающихся варианта, схематично демонстрирующих данное системное свойство (см. рис. 1, 2). Условно они характеризуют интеграционный и дезинтеграционный варианты функционирования района. При интеграционном варианте (см. рис. 1) цепочки замыкаются на регионах (I, II, III) района, что в итоге даёт, например, три готовых продукта с высокой добавленной стоимостью, которые могут быть реализованы на страновом и международном рынке. Этот вариант предполагает наличие в каждом регионе сырья (т. е. минерально-сырьевых, лесных и пр. ресурсов), что,

разумеется, не является непреложным правилом.

В ситуации, при которой преобладают дезинтеграционные процессы (в случае если в прошлом наблюдалась кооперация, подобная первому варианту), регионы в малой степени связаны между собой. Эта же схема может характеризовать начальную стадию районообразования на принципах хозяйственных связей (см. рис. 2). Для неё характерна незавершённая цепочка добавленной стоимости, т. е. готовая продукция производится за пределами субъекта страны (как правило, за рубежом). В итоге данный регион включается в неэквивалентный обмен на рынке.

Второй, дезинтеграционный, вариант в большей мере характерен для настоящей российской

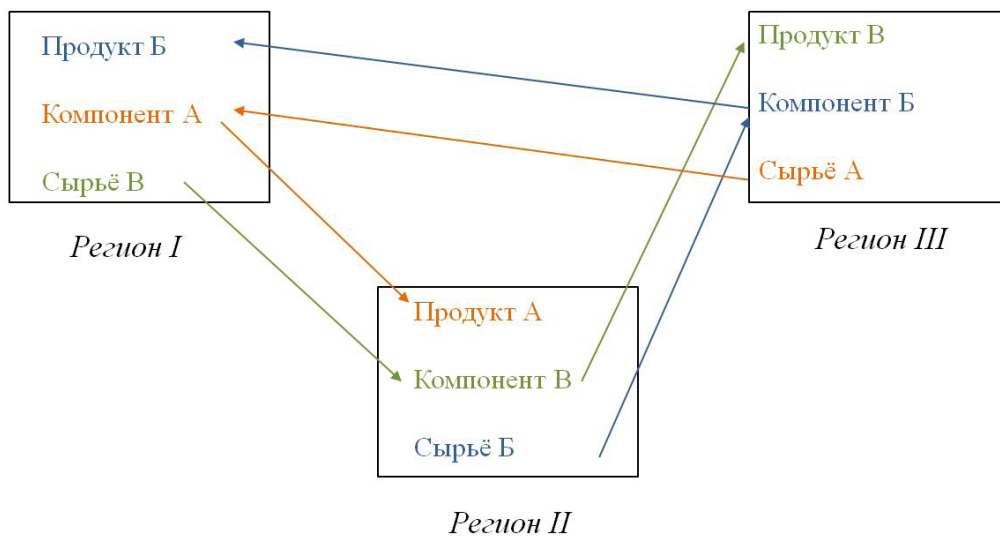

Рис. 1. Схема производственной цепочки, складывающейся между регионами района при интеграционном варианте (цвет online)

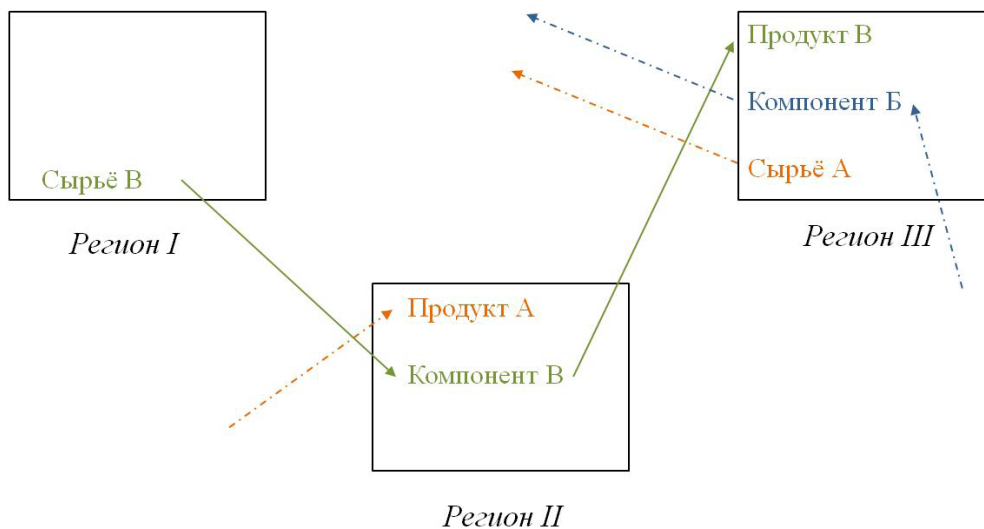

Рис. 2. Схема производственной цепочки, складывающейся между регионами района при дезинтеграционном варианте (пунктирная стрелка указывает на связь за пределами района) (цвет online)

ситуации, когда из цепочек добавленной стоимости в регионе и районе выделены и переориентированы на экспорт наиболее интересные, прибыльные её звенья, а прочие оказались закрыты в девяностые годы или позднее в угоду экономической (но не социально-экономической) эффективности.

Очевидно, что достройка производственной цепочки принесёт экономический эффект тем больший, чем меньше экономические расстояния в пределах района, что минимизирует транспортную составляющую в конечной стоимости продукта. В «отлаженной» экономической системе подобная достройка, интеграция привела бы к запуску процессов районообразования, однако в современной российской экономике развитие обрабатывающей промышленности затруднено¹. В связи с этим, как справедливо отмечает Н. Н. Михеева, «... нынешние устойчивые фрагментарные связи лишь двух-трех экономически самостоятельных десятков регионов должны обогащаться дополнительными хозяйственными взаимодействиями с целью комплексного освоения российского пространства» [8, с. 26].

Самодостаточность следует рассматривать в отношении ресурсной, экономической и инновационной обеспеченности. Здесь большое значение имеют плотность населения и людность крупнейших городов макрорегиона. Выявление урбанизированного каркаса в пределах макрорегиона позволит увидеть его слабые оси и выявить те населённые пункты, где наиболее желательна интенсификация экономической деятельности с позиций системного подхода. Так, в работе [9] на примере объёмов промышленного производства в городах ВУМР мы показали относительно оторванное от каркаса положение городов Оренбургской, Пензенской, Ульяновской и Саратовской областей. Более связными между собой оказались города Самарской области и Башкирии.

Другой подход к анализу социально-экономического пространства макрорегиона может основываться на районировании и последующей типологизации предложенных Е. Е. Лейзеровичем экономических микрорайонов [10, 11]. В основе этого районирования лежит принцип тяготения территории к населённым пунктам – узлам микрорайонов, а типологизация последних осуществляется по признаку людности узла и плотности населения. Значительный перепад между типами соседних микрорайонов и малочисленность или отсутствие наиболее развитых микрорайонов («высших» типов) свидетельствуют о разорванности и поляризации соци-

ально-экономического пространства макрорегиона.

Нами были собраны (таблица) экономические микрорайоны (ЭМ) рассматриваемого ВУМР, которые относятся к наиболее развитым типам, при этом VIII тип взят уже «с запасом», поскольку его центры в основном являются потенциальными третьими городами.

Наиболее развитые экономические микрорайоны в пределах Волго-Уральского макрорегиона (сост. по: [10])

Тип ЭМ	Критерии	Экономический микрорайон
X-a	Наличие на территории города с числом жителей свыше 300 тыс. человек	Самарский, Саратовский, Ульяновский, Пензенский, Уфимский, Оренбургский
IX	Концентрация хозяйственной деятельности в больших (100–300 тыс. жителей) городах на фоне равномерного освоения территории; преобладание численности городского населения над сельским	Балаковский, Димитровградский, Сызранский, Туймазинский, Стерлитамакский, Нефтекамский, Орский
VIII	Наличие малых и средних городов; доля городского населения выше 50%; равномерное сельскохозяйственное освоение территории	Балашовский, Кузнецкий, Инзенский, Ртищевский, Никольский, Белорецкий, Ясенский

Обратим внимание, что только в Башкирии есть три ЭМ IX типа, сформированных вокруг полноценных вторых-третьих городов, у прочих субъектов РФ только один и ни одного в Пензенской области. Заметим, что сетка экономического микрорайонирования не статична, она продолжает претерпевать изменения и по объективным причинам, и в соответствии с субъективным принципам районирования². Так, сетки, предложенные Е. Е. Лейзеровичем, основывались на критерии соблюдения границ субъектов РФ, т. е. микрорайон не мог включать территории двух и более регионов. Но нет препятствий для «сборки» микрорайонов из муниципальных районов разных субъектов РФ (тем более, что закон «О стратегическом планировании в РФ» позволяет осуществлять планирование для подобных образований). Для ВУМР можно рассмотреть объединение Альметьевского (в Республике Татарстан) и Туймазинского, а также Сарапульско-

² Так, принцип «вложенности» макрорегионов в федеральные округа Российской Федерации, применённый в «Стратегии», представляется нам крайне спорным.

¹ Полученные нами данные по ввозу и вывозу продукции, например, в/из Саратовской области показывают, во-первых, относительно небольшой ассортимент такой продукции, во-вторых, то, что почти всю её можно характеризовать как продукцию низкого передела, в-третьих, более интенсивные связи у области скорее с регионами Центрального экономического района, чем своего, Поволжского (см. подробнее [7]).

го (в Республике Удмуртия) и Нефтекамского экономических микрорайонов.

Анализ карты (рис. 3), составленной на основе данных таблицы, показывает пространственную разобщённость микрорайонов высших типов (IX и X). Хорошо просматривается прилегающая к Волге линейная структура из развитых экономических микрорайонов в Саратовской, Самарской и Ульяновской областях. В восточной части ВУМП подобной осью является р. Белая. Отсутствие развитых узловых районов между двумя этими линейными структурами, на наш взгляд, ограничивает связность всего макрорегиона.

С позиции центр-периферийного подхода ключевым фактором для поддержания целостности макрорегиона является доля полупериферии, которая по сути придаёт устойчивость всей территориальной системе. В данном случае к полупериферии можно отнести экономические микрорайоны VIII и IX типов.

Деструктивной тенденцией являются усиливающиеся процессы социально-экономической поляризации, которые будут способствовать снижению числа районов с недостаточно крупными городами-узлами, а их территория будет «перераспределяться» между далеко отстоящими друг от друга крупнейшими и сверхкрупными городами. В результате можно будет говорить об архипелаге экистических и хозяйственных островов посреди экуменического «мелководья» [3].

Рассмотрев свойства макрорегионов, существенные (возможно, критические) для целей пространственного планирования, опустимся

на микрорегиональный уровень, на котором закладывается другое важное свойство – внутреннее разнообразие.

Экономические микрорайоны Волго-Уральского макрорегиона

Экономические микрорайоны (ЭМ) как объект исследования и планирования закрывают лагуну между территориальными контрастами социально-экономического пространства в пределах субъекта РФ, с одной стороны, и подчас гомогенными и часто не обладающими достаточным объёмом ресурсов (человеческих и материальных) – с другой. Как мы писали выше, ЭМ – это узловой район, в центре которого находится организующий прилегающее социально-экономическое пространство город. Чем больше его людность, тем обширнее территория, которую он организует. Однако в тех случаях, когда на территории отсутствует узел, сшивающий социально-экономическое пространство, появляются «...районные образования другого типа, нежели узловой микрорайон, и в них на первом плане выходят признаки однородности» [12, с. 41], и ЭМ, таким образом, представляет собой однородный (гомогенный) район. При этом подходы к развитию узловых и однородных районов существенно отличаются.

Так, узловой район представляет собой центр-периферийную структуру и, стимулируя центр, можно добиться его положительного влияния на периферию. В однородных районах

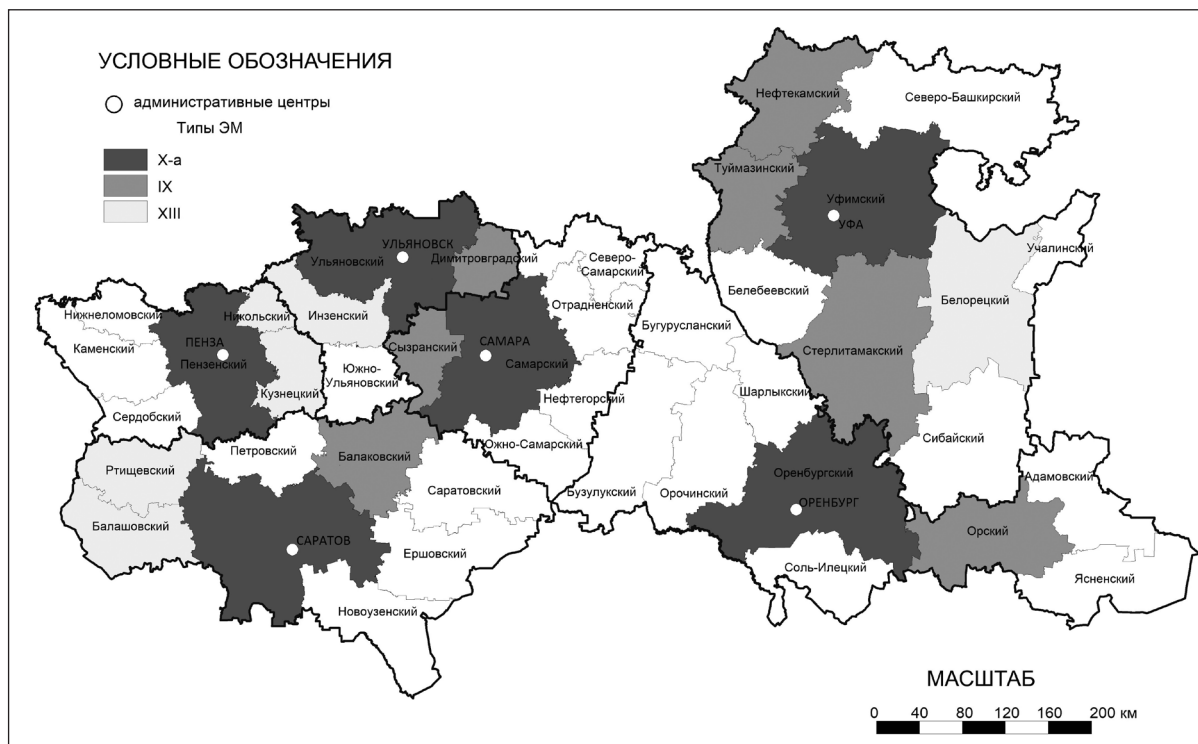

Рис. 3. Наиболее развитые экономические микрорайоны в пределах ВУМП (критерии выделения типов ЭМ см. в таблице)

точки приложения мер по развитию или отсутствию, или малозначимы, природопользование там локально и требует повышенных инфраструктурных затрат, поэтому большинство однородных ЭМ представляют собой периферию, которая в практике управления тем или иным способом «приписывается» к более успешному центру.

Радиус влияния узла ограничен транспортными издержками (в том числе временными для пассажира). Е. Е. Лейзерович полагает, что «в среднероссийских условиях пояс непосредственного тяготения, который обычно называют пригородной зоной, в зависимости от величины городов (от средних до крупнейших) распространяется на 25–45 км от города-центра, пояс формирующего влияния заканчивается на расстоянии 40–75 км от города-центра, пояс экономического влияния – на расстоянии 40–175 км» [13, с.89]. К сожалению, автор не проясняет, чем пояс экономического влияния отличается от пояса формирующего влияния.

Задача по выделению ЭМ с позиций данного подхода состоит в очерчивании радиусов соответствующей длины вокруг городов разной плотности. На практике неизбежно возникают ситуации как пересечения зоны влияния (тяготения)

двух и более городов, так и появления зон за пределами радиусов влияния. Рассмотрим данную ситуацию на примере Саратовской области.

В Саратовской области Е. Е. Лейзеровичем по сетке экономического районирования 2008 года были выделены восемь районов (рис. 4). Обратим внимание, что города Энгельс и Маркс (потенциальные узлы) попали в силу своего географического положения в один район с Саратовом, а Вольск – с Балаково. В результате за пределами данных двух районов остался только один средний (т. е. с плотностью более 50 тыс. жителей) город – Балашов.

Выделенные по признаку плотности города – узла района и общей плотности населения (в том числе сельского) ЭМ существенно отличаются по своему экономическому потенциалу. Если сопоставить данные ЭМ по вкладу в экономику региона, то получится следующее: на два приволжских микрорайона (Саратовский и Балаковский) приходится примерно 96 % всей экономической деятельности. Можно ли в таком случае рассматривать оставшиеся шесть ЭМ в качестве полноценных, сопоставимых с двумя приволжскими (Саратовским и Балаковским)? Очевидно, нет. Если на западе области Балашов и Ртищево можно рассматривать как потенциальные узлы

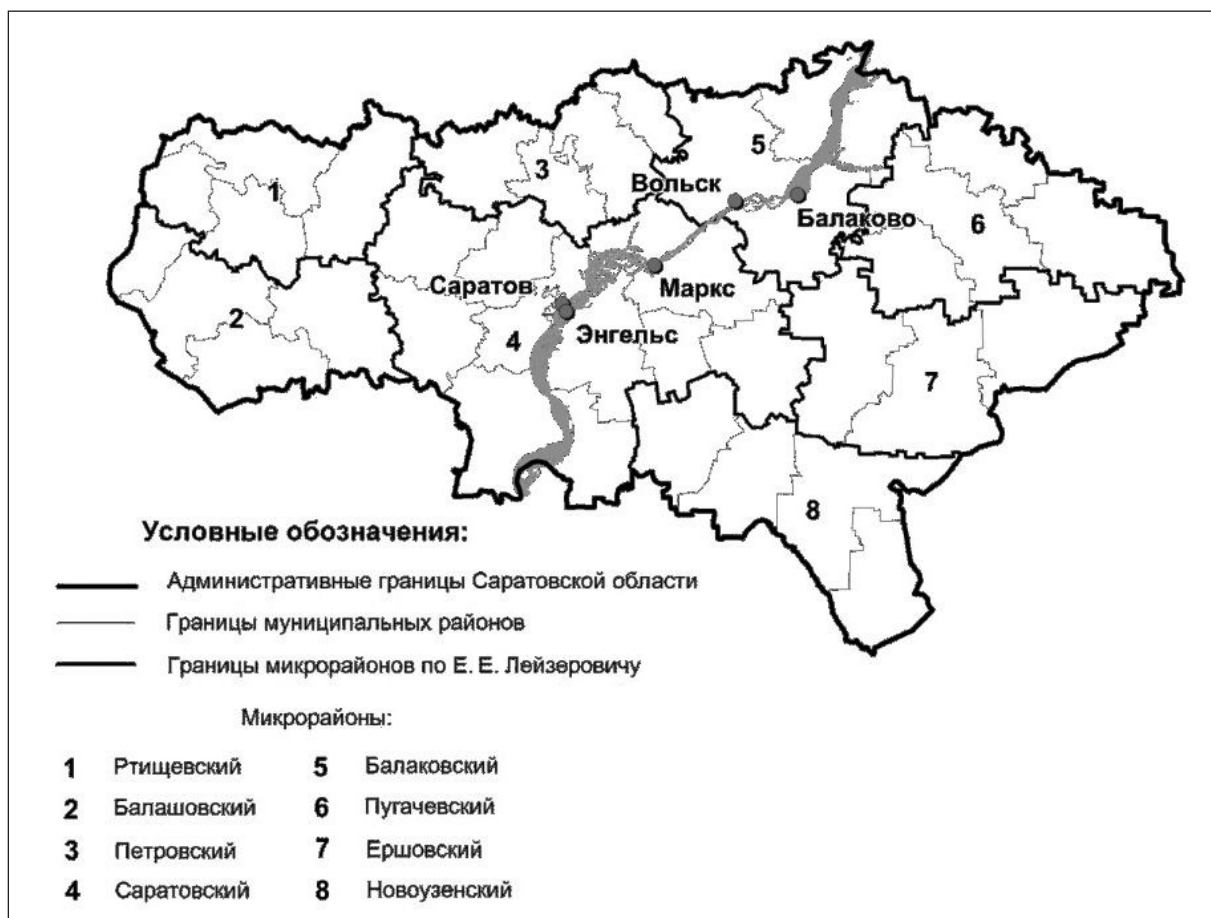

Рис. 4. Экономические микрорайоны в пределах Саратовской области

(точки роста) своих ЭМ (или одного «общего» ЭМ), то Петровскому, Ершовскому, Новоузенскому и, в меньшей степени, Пугачёвскому ЭМ явно не хватает ни людских ресурсов, ни производственных мощностей, что так или иначе ставит их в зависимость от их приволжских соседей. Такой «... заметный и постоянно нарастающий разрыв между социально-культурным потенциалом и качеством жизни районов, примыкающих к республиканским, краевым, областным, окружным центрам, и районов, удаленных от них», отмечал и Е. Е. Лейзерович [13, с. 85].

Разумеется, в теории можно развивать центры отстающих районов, города Ершов, Новоузенск, Петровск, чтобы они увеличили население и стали играть более важную роль в хозяйстве области, но по существу в среднесрочной перспективе – это невыполнимая задача, учитывая, что даже региональный центр (Саратов) теряет население (почти 7 тыс. человек за три года (2017–2019)) и сокращает промышленное производство. Поэтому в текущей ситуации шесть периферийных ЭМ будут оставаться потенциальными, выделенными на бумаге, а по факту зависеть от ЭМ с более крупными центрами.

Похожая ситуация недостатка опорных центров существует и в Пензенской, и в Ульяновской, и в Оренбургской областях, в сравнительно лучшем положении Самарская область и Башкортостан.

Выводы

Вопросы районирования территории для целей пространственного планирования целесообразно решать, используя, по выражению Н. Н. Баранского, «игру масштабом» [14]. Рассмотренные проблемы, связанные с недостатком реальных и потенциальных точек и полюсов роста, могло бы компенсировать их взаимодействие в пределах не отдельных регионов, а надрегионального образования путём усиления связей между ними и формирования урбанизированного каркаса. Для этого необходимо развитие как транспортной, так и экономической связности. С другой стороны, не менее важным для социально-экономического развития является устойчивость экономических микрорайонов.

На макроуровне обсуждаем такие свойства территориальных образований, как целостность, самодостаточность, а на микроуровне – разнообразие и их связность. Поэтому пространственное планирование на данных двух уровнях (макро- и микрорегиональном) представляется нам наиболее содержательной практикой планирования в перспективе.

Неясным остаётся направление создания документов стратегического планирования в иерархии регионов. Должно ли оно идти сни-

зу вверх (т. е. стратегия СЭР макрорегиона есть сумма стратегий регионов более низкого уровня (экономических микрорайонов и субъектов РФ)) или, напротив, стратегия СЭР макрорегиона является рамочной и определяющей содержание и пространственную привязку мероприятий по развитию на микроуровне¹. В предлагаемом нами механизме иерархического стратегического планирования требуется взаимная увязка сроков планирования и унификации содержания стратегий СЭР и схем территориального планирования. На мезоуровне стратегии СЭР существуют у всех шести субъектов РФ Волго-Уральского макрорегиона, горизонт стратегии Пензенской области – 2035 год, у остальных – 2030 год.

Отметим, что учёт положений стратегирования, принятых на микро- и на макрорегиональном уровне, сам по себе будет способствовать выходу за пределы традиционного мышления в исключительно региональной рамке. Возможно, в будущем следует вообще отказаться от стратегирования на мезорегиональном уровне (которое в настоящее время для большинства регионов выглядит выполненным «для галочки»). Для региона Урало-Поволжья (и выделенных в его пределах макрорегионов) актуальны усиление главных осей развития – рек (прежде всего, Волги и её притоков), развитие агломерационного коридора Волги не в виде концепции, а в реальности.

Библиографический список

1. Бухвальд Е. М. Стратегическое пространственное планирование : макрорегионы и субъекты Российской Федерации // Журнал российского права. 2020. № 3. С. 31–44. <https://doi.org/10.12737/jrl.2020.028>
2. Бакланов П. Я. К теории экономического районирования («теорема» об экономическом районировании) // Региональные исследования. 2016. № 4 (54). С. 4–9.
3. Преображенский Ю. В. Районирование Урал-Поволжья для целей пространственного планирования // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия : Науки о Земле. 2019. Т. 19, вып. 2. С. 97–103. <https://doi.org/10.18500/1819-7663-2019-19-2-97-103>
4. Минакир П. А., Исаев А. Г., Демьяненко А. Н., Прокапало О. М. Экономические макрорегионы : интеграционный феномен или политико-географическая целесообразность? Случай Дальнего Востока // Пространственная экономика. 2020. Т. 16, № 1. С. 66–99. <https://doi.org/10.14530/se.2020.1.066-099>
5. Минакир П. А. Экономика регионов. Дальний Восток. Москва : ЗАО «Издательство “Экономика”», 2006. 848 с.
6. Котов А. В. Территория требует связной работы : роль межрегиональных взаимодействий в восстановлении экономики (к 100-летию работы И. Г. Александрова «Экономическое районирование России») // Пространственная экономика. 2021. Т. 17, № 1. С. 18–34. <https://dx.doi.org/10.14530/se.2021.1.018-034>

¹ Похожим вопросом задаётся Е. М. Бухвальд [1, с. 39].

7. Авдеева Е. С., Преображенский Ю. В. Стратегия импортозамещения Саратовской области : кооперационные связи и внешняя торговля её предприятий // Вестник ТвГУ. Серия «География и геоэкология». 2019. Вып. 2 (26). С. 28–38. <https://doi.org/10.26456/2226-7719-2019-2-28-38>
8. Михеева Н. Н. Долгосрочные прогнозы регионального развития : анализ результатов и проблемы разработки // Проблемы прогнозирования. 2018. № 5 (170). С. 24–38.
9. Преображенский Ю. В. Урбанизированный каркас Волго-Уральского макрорегиона : оценка потенциала интенсивности экономических связей // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия : Науки о Земле. 2021. Т. 21, вып. 3. С. 159–165. <https://doi.org/10.18500/1819-7663-2021-21-3-159-165>
10. Лейзерович Е. Е. Об основных экономических районах (макрорайонах) России // Региональные исследования. 2014. № 3. С. 4–11.
11. Преображенский Ю. В., Романова А. Ю. Изменение сетки экономических микрорайонов в Поволжском экономическом районе // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия : Науки о Земле. 2018. Т. 18, вып. 4. С. 234–242. <https://doi.org/10.18500/1819-7663-2018-18-4-234-242>
12. Смирнягин Л. В. Районы США : портрет современной Америки. Москва : Мысль, 1989. 379 с.
13. Лейзерович Е. Типология местностей России (экономические микрорайоны России : сетка и типология) // Социальная реальность. 2007. № 7. С. 84–125.
14. Баранский Н. Н. Методика преподавания экономической географии. Москва : Учпедгиз, 1960. 451 с.

Поступила в редакцию 25.08.2021, после рецензирования 15.09.2021, принята к публикации 20.09.2021

Received 25.08.2021, revised 15.09.2021, accepted 20.09.2021